

ДВОРЯНСКАЯ ИМПЕРИЯ

Вступая на путь заговора и намереваясь захватить власть, Елизавета не имела никакой определенной программы ни в области внутренней, ни в области внешней политики. У нее и ее ближайшего окружения не было таких конструктивных идей, которые знаменовали бы принципиальное изменение социально-политического курса страны. Довольно смутные мысли о необходимости восстановить погрязшие немецкими временщиками «начала» Петра, реставрировать отмененные после смерти реформатора учреждения, восстановить забытые законы Петра — вот, собственно, и все, с чем пришла к власти новая императрица.

Ни Елизавета, ни ее советники не представляли себе масштабов коренных проблем великого наследия Петра — империи, раскинувшейся от берегов Балтики до Тихого океана.

На этом огромном пространстве в 40—50-е годы XVIII в. жило всего не более 19 млн. человек обоего пола. Они крайне неравномерно распределялись по территории страны. Если население Центральнопромышленного района, охватывавшего только Московскую и прилегавшие к ней губернии, насчитывало не менее 4,7 млн. человек, то население Сибири и Севера — не более 1 млн. человек.

Не менее любопытна и социальная структура населения России того времени. Подавляющее большинство жителей страны составляли крестьяне. В городах жило не более 600 тыс. человек, или менее 4% всего населения. Крестьянское население делилось на две основные группы: владельческие крестьяне (помещичьи, дворцовые, монастырские) и государственные, чьим сюзереном было государство. В общей массе учтенного во II ревизию (1744—1747 гг.) крестьянского населения (7,8 млн. душ мужского пола) помещичьих крестьян было 4,3 млн. душ, или 50,5%. В целом же крепостное население составляло почти 70% крестьянского и 63,2% всего населения¹. Столь значительный перевес крепостных достаточно убедительно свидетельствует о характере экономики России середины XVIII в.

Петровская эпоха реформ способствовала интенсивному промышленному развитию страны. В первой половине XVIII в.

были достигнуты выдающиеся успехи в черной металлургии. Еще в 1700 г. Россия выплавляла чугуна в 5 раз меньше, чем передовая по тем временам Англия (соответственно 2,5 тыс. т и 12 тыс. т). Но уже в 1740 г. выпуск чугуна в России достиг 25 тыс. т, и она оставила далеко позади Англию, выплавлявшую 17,3 тыс. т. В дальнейшем этот разрыв продолжал увеличиваться, и к 1780 г. Россия выплавляла уже 110 тыс. т чугуна, а Англия — только 40 тыс. т. И лишь на исходе XVIII в. начавшаяся в Англии промышленная революция положила конец экономическому могуществу России, построенному на мануфактурном производстве и полукрепостнической организации труда.

Во второй четверти XVIII в. о кризисе экономики России говорить не приходится. Только за 15 лет (с 1725 по 1740 г.), т. е. во время осуждаемого елизаветинской пропагандой господства иностранных временщиков, выпуск чугуна и железа в стране вырос более чем в 2 раза (с 1,2 млн. до 2,6 млн. пудов). В те годы развивались и другие отрасли промышленности, а также торговля. В елизаветинский период тяжелая промышленность получила дальнейшее развитие. Так, выплавка чугуна с 25 тыс. т в 1740 г. возросла до 33 тыс. т в 1750 г. и к 1760 г. составила 60 тыс. т. По признанию специалистов, 50-е годы были для металлургической промышленности поистине рекордными на протяжении всего XVIII в.²

Своеобразие ситуации, в которой Елизавета пришла к власти, в немалой степени определило особенности внутренней политики нового правительства. Первыми же указами Елизаветы петровские «начала» внутренней политики были провозглашены как основополагающие для правительственной деятельности.

Можно с уверенностью утверждать, что приход Елизаветы к власти положил начало беспрецедентной по тем временам кампании, которую иначе как пропагандистской и не назовешь. Цель ее состояла в том, чтобы сформировать благожелательно настроенное к новой монархии общественное мнение, убедить возможно более широкий круг подданных в законности власти дочери Петра I, в непреложности ее прав на престол. Архимандрит Заиконоспасского монастыря Кирилл Флоринский в проповеди 18 декабря 1741 г. в Успенском соборе Москвы по случаю дня рождения Елизаветы восклицал: «Возведи о, Россия, очи твои и виждь! Се аз семя отца твоего Петра Великого сдох на престоле твоем. Се во мне оживотворися Петр, жива бысть Екатерина. Отродися Петр, вся благия насеявый в недоех твоих»³.

Но не только кровная близость Елизаветы к Петру отмечалась пропагандой того времени. Елизавету стремились представить идейной преемницей великого царя-реформатора. Наиболее емко эту мысль выразил А. П. Сумароков:

Во дщери Петр опять на трон возшел,
В Елизавете все дела свои нашел...

Обращаясь к Елизавете, он повторил эту мысль на иной лад:

О мать своего народа!
Тебя произвела природа
Дела Петровы окончать! ⁴

Идея о преемственности «начал» Петра Елизаветой сочеталась с двумя концепциями, оказавшими, между прочим, существенное влияние на последующую историографическую традицию. Во-первых, с приходом Елизаветы к власти официально осуществлялась политическая канонизация Петра Великого. Его личность и дела расценивались однозначно — как ниспосланное небом благо для России. Особенно отчетливо мысль о величии Петра сформулировал архиепископ Амвросий в проповеди 18 декабря 1741 г., развив идеи знаменитой проповеди Феофана Прокоповича 1725 г. на смерть Петра. Изумляясь свершенному при Петре, он говорил: как возможно, «чтоб в единое время учреждать артикулы воинские, воевать без отдышки чрез несколько десятков лет, по различным странам и государствам путешествовать, заводить флот и притом все духовное и гражданское исправлять благосостояние, а все то делать с крайнею трудностью и почти с опасением самого живота своего дражайшего! О! воистину тут Петр крайнюю ревность к отечеству засвидетельствовал, когда, богом поспешествуемый, все то исправить возмог вместе и в единое время, что иные государства делали чрез многие веки. Когда он воевал, учил воевать воинство; когда учил воинство, устраивал благополучие внутреннего гражданства; когда устраивал благополучие гражданства и о духовном своем чине промышлять не оставил» ⁵.

Во-вторых, уже в начале царствования Елизаветы оформляется крайне негативная оценка периода истории России от смерти Екатерины I (1727 г.) и до восшествия на престол Елизаветы (1741 г.). Эти 14 лет расценивались как время мрака, упадка страны. В проповеди 25 марта 1742 г. архимандрит Свияжского Богородицкого монастыря Дмитрий Сеченов говорил, что со смертью Петра и Екатерины «погребли и благоденствия наша; по смерти оных за беззакония и неправды наша наказа нас господь частыми переменами, а в таковых вредительных переменах, коликая претерпехом злая, в коликое было Россия пришла безобразие, вспомянути — болезнь утробу пронзает». Враги России «как прибрали все отечество наше в руки, коликий яд злобы и неверных чад российских отрыгнули, коликое гонение на церковь христову и на благочестивую веру возставали, их была година и область темная, что хотели, то и делали». Амвросий в уже упомянутой проповеди вложил в уста Елизаветы, поднимавшей солдат на мятеж, такие слова: «Родители мои... трудились, заводили регулярство, нажили великое сокровище многими трудами, а ныне то растащено, сверх же того, еще и моего живота ищут. Но не столько мне себя жаль, как вседражайшего

Отечества, которое, чужими головами управляемое, напрасно раззоряется, и людей столько неведомо за кого пропадает»⁶.

Так много внимания проповедям начала елизаветинского царствования уделено не случайно. В XVIII в. (как и раньше) амвон был трибуной, с которой решения властей доводились до самых широких масс населения, обязанного посещать церковь. Эта трибуна широко использовалась и для распространения и разъяснения официальных идей. Отсюда понятно огромное общественное значение проповедей. Произносимые нередко блестящими ораторами своего времени, они воспринимались как явления высокой словесности и могли произвести необычайно глубокое впечатление на паству, почти сплошь неграмотную.

В петровскую эпоху проповедь использовалась не только для традиционных религиозно-этических целей, но и для донесения идей царя-реформатора до народа. Тип проповеди на общественно-политическую тему благодаря таланту таких ораторов, как Ф. Прокопович, Г. Бужинский, Ф. Лопатинский, превратился тогда в весьма действенную форму популяризации преобразований. В 30-е годы XVIII в. проповеди на злобу дня не произносились. Жанр политической проповеди возродился лишь с приходом к власти Елизаветы и в первые годы ее царствования переживал невиданный расцвет. В первые три года правления Елизаветы зафиксировано около 120 проповедей на политические темы, что во много раз превышает число таких проповедей, произнесенных за другие годы. Наиболее яркие проповеди публиковались и затем расходились по стране⁷.

В проповедях 40-х годов дворцовый переворот 25 ноября 1741 г. изображался как гражданский и религиозный подвиг лично Елизаветы, которая как некий мессия, воодушевляемая провидением и образом великого отца, решила «сседающих в гнезде орла Российского ношних сов и нетопырей, мыслящих злое государству, прочь выпужать, коварных разорителей отечества связать, победить и наследие Петра Великого из рук чужих вырвать, и сынов Российских из неволи высвободить и до первого привести благополучия...»⁸.

Идеи политических проповедей, обладающих способностью воздействовать на общественное сознание, перешли в литературу и искусство. Оды М. В. Ломоносова и А. П. Сумарокова были одновременно и явлениями литературной жизни того времени, и средством пропаганды. Свою лепту в пропаганду идей, обосновывавших концепцию «возрождения России ото сна», внес театр. В этом смысле примечателен пролог Я. Штеллина «Россия по печали паки обрадованная», поставленный перед оперой «Милосердие Титово» на празднике коронации Елизаветы. Либретто 1742 г. позволяет представить, как на сцене в то время воплощались идеи елизаветинской идеологической доктрины.

Раздвигался занавес, и зрители видели «запустелую страну, дикой лес и в разных местах отчасти начатое, но недовершенное,

а отчасти развалившееся и разоренное строение». Аллегория запустения страны в период правления Бирона дополнял образ Рутении, окруженной плачущими детьми и сетующей на свою несчастную судьбу,— символ России. Как отмечал современник, ария-плач Рутении под аккомпанемент лютни и флейты, а также вид несчастных детей произвели сильное впечатление на 4-тысячный зал; сама Елизавета не удержалась от слез. Однако Рутения успокаивает детей и «обнадеживает их тем, что Петр еще жив в лице своей дщери и что он России может скоро опять возвратить прежнюю ее славу... ежели кровию Великого Петра и истинною и законною наследницею Петровы времена паки восстановлены будут».

Переворот 25 ноября 1741 г. символизировали восход солнца в сопровождении «веселого хора музыки и поющих лиц» и выплывающая вместе с солнцем на облаке богиня Астрея, окруженная пятью главными добродетелями Елизаветы (Справедливость, Храбрость, Человеколюбие, Великодушие, Милость) и «пятью свойствами верных подданных» (Любовь, Верность, Сердечная искренность, Надежда и Радость). Пока богиня спускалась с небес, «прежние дикие леса» превращались в «лавровые, кедровые и пальмовые рощи, а запустелые поля — в веселые и приятные сады». Астрея исполняла арию о том, что еще при рождении Елизавета была одарена добродетелями, которые, как и «приносимые от России жалобы», позволяют увенчать Елизавету короной, «дабы Россию паки восстановить». Затем богиня призывала воздвигнуть «публичный монумент» в честь Елизаветы, и посредине сцены поднимался огромный обелиск с надписью: «Да здравствует благополучно Елизавета, достойнейшая, вождеденная, коронованная императрица, Мать отечества (напомним, что Петр носил титул «Отца отечества». — Е. А.), увеселение человеческого рода, Тит времен наших. 1742». Пролог завершался ликованием народов всех четырех частей света, а «добродетели и добрые свойства» танцевали «радостный балет»⁹.

Так формировалась идеологическая доктрина елизаветинского царствования. Первейшую задачу Елизавета видела в восстановлении государственных институтов и законодательства в том виде, в каком они были при Петре I. В указе 12 декабря 1741 г. — центральном постановлении реставрационного характера — говорилось: «...усмотрели мы, что порядок в делах правления государственного внутренних отменен во всем от того, как было при отце нашем... и при матери нашей... в первый год ее владения было, ибо в другой год ее владения происком некоторых прежний порядок правления, установленный от нашего... родителя, нарушен вновь изобретенным Верховным тайным советом», замененным при Анне Ивановне Кабинетом министров. Указом 12 декабря постановлялось, что Сенат «да будет иметь преждебывшую свою силу в правлении внутренних всякого звания государственных дел»; категорическим образом предписывалось

все указы и регламенты Петра «наикрепчайше содержать и по них неотменно поступать во всех правительствах государства нашего». Согласно указу, Кабинет министров — высший правительственный орган предшественников Елизаветы — был ликвидирован и восстанавливался Кабинет ее императорского величества — личная канцелярия монарха¹⁰.

После указа 12 декабря 1741 г. последовала целая серия постановлений о реставрации других петровских институтов. Так, были восстановлены Берг- и Мануфактур-коллегия, Главный магистрат, Провиантская канцелярия, должность генерал-рекейтмейстера. Начался пересмотр штатов армейских полков в соответствии с петровскими штатами 1720 г. Попутно отменялись постановления предшествующих правительств. Эта мера была продиктована главным образом стремлением Елизаветы очистить институты Петра от искажений позднейшего времени, хотя некоторые отмены не носили принципиального характера и были вызваны почти не скрываемым ею чувством мести. Так, Анна Леопольдовна ограничила число лошадей в экипажах на улицах Петербурга, распорядилась мостить дорогу фашинником. Эти и другие мелкие ее распоряжения Елизавета упразднила одними из первых. Провозглашая свое «намерение и соизволение... дабы во всей нашей империи поступлено было по указам дражайшего нашего родителя государя императора Петра Великого», Елизавета указом 25 февраля 1742 г. осудила фаворитизм предшествующих ей царствований и предписала, чтобы отныне повышение в чинах происходило исключительно по старшинству и выслуге¹¹. Все повышения, сделанные в царствование Ивана VI Антоновича, отменялись.

Разумеется, это не мешало самой Елизавете постоянно нарушать петровский принцип продвижения по службе. Вот лишь один пример. С начала XVIII в. и до 1759 г. в русской армии было 19 генерал-фельдмаршалов, из них 9 человек получили это звание при Петре и 8 — при Елизавете, причем при Елизавете этого высшего воинского звания удостоились в основном люди невоенные, а полководческие таланты немногих военных избранников были ничтожными. Когда Елизавете было нужно, она, не колеблясь, изменяла даже основополагающие акты Петра. Так, 6 февраля 1742 г. в Табель о рангах было внесено исправление — придворный чин камер-юнкера приравнивался к чину бригадира (стоявшего в Табели выше полковника), вызванное желанием императрицы отметить заслуги лиц, с помощью которых она взойшла на престол (П. И. и А. И. Шуваловых, М. И. Воронцова и др.)¹². Между тем многочисленные просьбы ученых Академии наук о повышении их служилого статуса, что могло облегчить положение ученых в чиновном мире, при Елизавете так и не были удовлетворены.

Анализируя политику Елизаветы, А. Е. Пресняков достаточно точно выразил отношение Елизаветы к петровскому наследию:

«...императрица в глубоком преклонении перед делами великого отца своего представляла себе его работу над государственным строительством настолько совершенной и законченной, что одного последовательного и добросовестного проведения в жизнь его узаконений достаточно для полного благоденствия государства. Дело правительства его дочери — дело реставрации, а не творчества»¹³.

Однако практика довольно скоро показала, что реставрировать прошлое, пусть недавнее и весьма славное, а также жить по его законам невозможно. Придя к власти, Елизавета поставила перед Сенатом задачу пересмотреть все изданные после смерти Петра указы и отменить те из них, которые противоречили петровскому законодательству. В 1743 г. Сенат приступил к работе и к 1750 г. сумел пересмотреть указы лишь по 1729 г. Впереди предстояла огромная работа (только по Полному собранию законов за 1729—1741 гг. учтено 3 тыс. указов), а результат этой работы был минимальным. В 1754 г. П. И. Шувалов в Сенате произнес в присутствии Елизаветы речь, в которой сказал, что разбор указов прошлых лет сам по себе мало что даст и вряд ли будет способствовать исправлению недостатков. По его мнению, целесообразно направить усилия на разработку нового свода законов — Уложения и создать для этой цели комиссию. Елизавета под влиянием очевидной необходимости была вынуждена согласиться с доводами П. И. Шувалова и признать, что «нравы и обычаи изменяются с течением времени, почему необходима и перемена в законах». Следствием этого было создание комиссии по составлению Уложения. Неудачу потерпела и попытка елизаветинского правительства воссоздать петровскую систему местного управления, измененную в ходе контрреформы 1727 г.¹⁴ Елизавете и здесь пришлось отказаться от слепого следования прошлому.

Несомненно, неудачу «реставрационной» политики Елизаветы предопределило то, что она следовала не духу, а букве законодательства Петра, слепо копируя его систему управления. Это неизбежно лишало политику ее правительства в 40-е годы необходимого динамизма. Упразднив Кабинет министров, Елизавета восстановила значение личного участия монарха в государственных делах. Через свою канцелярию (Кабинет е. и. в.) она могла контролировать огромное количество дел. Обилие именных указов — явление, характерное для начала елизаветинского царствования, — формально свидетельствует об усилении личного участия монарха в системе управления. Как и Петр, Елизавета сосредоточила всю власть в своих руках, но на этом сходство ее с Петром кончается: ни по личным, ни по деловым качествам дочь не могла сравниться с отцом. Творческий, напряженный, одушевленный определенной системой идей труд Петра был неведом Елизавете. Боясь всего нового и непривычного, она упорно цеплялась за петровское наследие и если не находила в нем ответов

на современную ей проблему, то терялась и пускала все дела на самотек, откладывая в течение месяцев и даже лет решение важнейших, но требующих маломальской инициативы дел или перепоручая их своим советникам.

Не удивительно, что, сколько бы мы ни вчитывались в изданные в 40-х годах XVIII в. законы, мы не найдем в них свежих идей, позволяющих утверждать о целенаправленности и оригинальности внутренней политики правительства Елизаветы. Примечательно, что часто встречающаяся в ее указах декларация: «Наше всемилостивейшее намерение есть по трудам бессмертной вечной славы достойныя памяти родителя нашего... полезное дело неотменно единожды привести в окончание» — относилась подчас лишь к завершению строительства отрезка дороги от Петербурга до Соснинского яма или к другому подобному этому делу¹⁵.

Кроме того, не следует забывать о присущих политике Елизаветы элементах демагогии. Постоянные заявления о верности ее правительства «началам» Петра служили прежде всего целям упрочения власти императрицы. Впоследствии ссылки на преемственность петровских принципов вошли составным элементом во внутриполитическую доктрину и Екатерины II, но эти заявления ни Елизавете, ни ее преемникам не мешали подчас отступать от них. Наиболее выпукло «верность» Елизаветы принципам политики Петра показывает ее отношение к любимому детищу Петра — военно-морскому флоту. Так, если в 1733 г. на Балтике Россия имела 37 линейных кораблей, 15 фрегатов, то в 1757 г. число кораблей сократилось до 27, а фрегатов — до 8, причем состояние их было удручающим. Эскадры годами не выходили в море, и первая же морская кампания в Семилетнюю войну показала почти полную непригодность флота, который больше боялся свежего ветра, чем неприятеля: корабли теряли прогнивший рангоут, давали течь, тонули¹⁶.

Наконец, в елизаветинское время на удивление мало было сделано для увековечения памяти великого преобразователя России. Бумаги Кабинета Петра гнили неразобранными. Историю царствования Петра было поручено писать Вольтеру лишь в конце 50-х годов. И хотя в 1743 г. Елизавета одобрила проект конной статуи Петра Великого Б. К. Растрелли, памятник, законченный в 1747 г. уже сыном скульптора — В. В. Растрелли, так и не увидел при Елизавете свет — императрица утратила к нему интерес и прекратила финансирование завершающих работ¹⁷.

Однако объективности ради нельзя не отметить, что открытое провозглашение правительством дочери Петра Великого принципов петровской политики основополагающими для своей деятельности имело большое значение для будущего России. Петр и все связанное с его личностью и делами символизировали перелом, новую эпоху в жизни страны. За годы елизаветинского

правления процесс европеизации страны стал необратимым, что в немалой степени было обусловлено признанием Елизаветой величия свершившейся в начале XVIII в. перемены и ее осознанным желанием продолжать начатое Петром дело.

В первой главе отмечалось, что иностранные дипломаты, аккредитованные при русском дворе в 1741—1742 гг., в основе заговора цесаревны Елизаветы видели движение не только против засилья иностранных временщиков, но и против всей политики европеизации, начатой Петром. Источники не оставляют сомнений на этот счет: в России были круги, заинтересованные в возврате к допетровской старине.

В первые месяцы правления Елизаветы участились случаи столкновений солдат (в первую очередь гвардейцев) с иностранцами, находившимися на русской службе, а во время русско-шведской войны произошел даже бунт гвардейцев против командиров-иностранцев. Однако Елизавета не пошла навстречу желаниям солдатской толпы. Все нарушения дисциплины расследовались, и виновные наказывались в соответствии с регламентами. Даже преобразование в декабре 1741 г. гренадерской роты Преображенского полка в лейб-компанию — привилегированное воинское соединение — не имело особых политических последствий. Получив дворянство, поместья, гербы с девизом «За верность и ревность», рядовые участники переворота 25 ноября 1741 г. не приобрели никакой реальной власти. Правда, их лидер П. Грюнштейн пытался с помощью подложного подметного письма привлечь внимание Елизаветы к незавидному положению лейб-компанцев в системе власти, но императрица уже отдалась от своих «сподвижников». А когда Грюнштейн повел себя дерзко в отношении семьи фаворита Елизаветы А. Г. Разумовского, императрица приказала сослать Грюнштейна в Устюг Великий¹⁸. С тех пор и до конца ее царствования лейб-компания не играла никакой существенной роли.

Своей последовательной политикой Елизавета довольно быстро убедила всех, что не намерена изгонять иностранцев из России. Как и Петр, она исходила из идеи использования иностранных специалистов, в которых остро нуждалась Россия, под контролем и руководством русских по происхождению. Такой подход оставался неизменным в течение всех лет правления Елизаветы и не мог не принести свои плоды. Сотни иностранных высококлассных специалистов: моряков, офицеров армии, инженеров, ученых, художников, музыкантов — нашли в России вторую родину и внесли свой вклад в развитие ее экономики, культуры, науки. К числу таких иностранцев следует отнести отца и сына Растрелли, композитора Ф. Арайя, художника Д. Валериани, ученого Г. Ф. Миллера и многих других.

Если эксцессы начала царствования Елизаветы можно объяснить главным образом волной национализма, порожденного годами правления Бирона, то настроения верхов русского духовен-

ства имели более глубокие корни. С приходом к власти Елизаветы, свергнувшей иностранных временщиков, они связывали надежду, что под давлением антинемецкого общественного мнения императрица изгонит иностранцев из России и если не вернет Россию к допетровским временам, то по крайней мере ослабит государственный контроль над церковью, будет более жестко подходить к проявлениям инакомыслия и атеизма.

Действительно, период правления Бирона отличался некоторым ослаблением борьбы с иноверцами и большей, чем прежде, свободой совести. В немалой степени на эту политику влиял глава Синода первой половины 30-х годов XVIII в. Феофан Прокопович — церковный деятель с широким кругозором. Церковники консервативного толка усматривали основное зло бироновщины как раз в усилении веротерпимости. В первых проповедях после переворота 25 ноября 1741 г. мотив борьбы с ересью, наводнившей Россию, стал одним из важнейших. С амвона клеймились «чужестранцы-пришельцы... правоверия ругатели, благочестия... растлители и истлители, под ухищренною политикою всего щастия Российского губители»¹⁹.

Елизавета не могла не считаться с мнением церковников, оказавших ей в первые же дни поддержку. Заметим также, что и ее собственные религиозные воззрения не отличались веротерпимостью. Поэтому среди первых мероприятий правительства Елизаветы было издание целого ряда законов, направленных на пресечение распространения в России иных, кроме православия, вероисповеданий (указы о сносе армянских церквей и мусульманских мечетей, о борьбе с квакерами, об изгнании из страны евреев и т. д.), а также на усиление миссионерской деятельности среди идолопоклонников.

С приходом к власти Елизаветы начался очередной этап борьбы самодержавия с расколом, объединявшим широкие круги крестьянства, недовольного религиозной и социальной политикой абсолютизма. Ни о каких поисках компромисса при Елизавете не могло быть и речи: указами 18 октября 1742 г. и 19 февраля 1743 г. подтверждались все карательные постановления Петра I и Екатерины I за 1716—1726 гг. — пожалуй, самые суровые в многовековой борьбе самодержавия с расколом. Исследование Н. Н. Покровского показывает, что указы Елизаветы о борьбе с расколом не остались на бумаге: в царствование дочери Петра усиливается преследование раскольников по всему Уралу и Сибири²⁰.

Уступки церковникам были сделаны и в других сферах. Запрещенное при Анне Ивановне антипротестантское сочинение «Камень веры» было разрешено печатать, а арестованные еще при Анне Ивановне экземпляры — продавать. Указ 1743 г. установил цензуру Синода на ввоз из-за границы книг духовного содержания²¹.

Заботясь не меньше Синода о чистоте «истинной веры» и со-

хранении благочиния в церквях, Елизавета все же оставалась дочерью Петра. Наряду с указами, усилившими значение церкви в жизни страны, был издан указ 19 февраля 1743 г., показывающий верность императрицы светской политике Петра. В присущей Петру императивной форме этот указ подтверждал все его постановления о том, чтобы «всякого звания российского народа людям, кроме духовных чинов и пашенных крестьян, носить платье против чужестранных, немецкое, бороды и усы брить, как в тех указах изображено, неотложно, а русского платья и черкасских кафтанов и прочих неуказных уборов отнюдь никому не носить и в рядах не торговать под жестоким наказанием»²². Практическое и символическое значение указа 19 февраля 1743 г. трудно переоценить, если учесть сложность обстановки начала елизаветинского царствования.

В первые годы правления Елизаветы у наиболее консервативной части высшего духовенства возникла надежда на упразднение Синода и восстановление патриаршества. Инициатором движения был ростовский митрополит Арсений Мацеевич. Его поддерживали многие члены Синода во главе с А. Юшкевичем. Частые встречи Елизаветы с иерархами церкви в первой половине 40-х годов позволяют предположить, что проект восстановления патриаршества был известен императрице, однако в этом важном для церковников вопросе она не собиралась идти на уступки. Ни в те годы, ни позже проект серьезно не обсуждался в правительственных кругах. Правда, в 40-е годы члены Синода убедили Елизавету пойти на некоторые изменения в управлении недвижимостью церкви (была ликвидирована ведавшая духовными владениями Коллегия экономии), но это не изменило наметившегося еще при Петре I секуляризационного курса, завершившегося в 1764 г., уже при Екатерине II, полной передачей земельных владений церкви государству²³.

Читатель, вероятно, заметил, что до сих пор речь шла в основном о политике Елизаветы и ее правительства в первой половине 40-х годов XVIII в., хотя императрица благополучно правила до конца 1761 г. Это не случайно, так как в царствовании Елизаветы (1741—1761 гг.) четко выделяются два периода, гранью которых являются конец 40-х и начало 50-х годов, когда в политике правительства главную роль стали играть двоюродные братья П. И. и И. И. Шуваловы.

Внутренняя политика Елизаветы 40-х годов не отличалась цельностью. Одним из приметных дел ее правительства во второй половине 40-х годов было осуществление II ревизии — переписи податного населения. Она проводилась в 1744—1747 гг. по типу петровской I ревизии, но охватила большую территорию. В ходе II переписи было зарегистрировано 9,1 млн. душ мужского пола, или на 17% больше, чем по итогам I ревизии (7,8 млн.). Это был большой успех правительства, ибо перед началом ревизии оно получило известие об убыли из оклада со

времени I ревизии более 2,1 млн. душ²⁴. После составления нового кадастра можно было рассчитывать на увеличение поступлений от прямых налогов — важнейшего источника государственных доходов. И поступления в казну действительно увеличились. Этому в немалой степени способствовало одно обстоятельство.

В числе первых демонстративных мер новой монархии был указ о «прощении» податному населению недоимок в уплате налогов за все 17 лет существования подушного обложения. Указом 31 декабря 1741 г. была ликвидирована Доимочная канцелярия — главный репрессивный орган по выколачиванию недоимок, уже тогда превышавших 5 млн. руб., или величину годового оклада. В 1752 г. были «прощены» недоимки по 1746 г. включительно на сумму 2,5 млн. руб.²⁵ Эти меры совпали с проведением II ревизии и сбором подати по новым окладным книгам. Расчет оказался верным. Взимание недоимок, накопившихся за многие годы, было всегда делом малоэффективным, вызывало постоянные жалобы, ожесточение неимущих плательщиков, а самое главное — затрудняло (или делало невозможным) успешный сбор текущей подати. После снятия почти всех недоимок сбор подушных денег по новому окладу, несмотря на традиционное скрытое, а иногда и открытое сопротивление плательщиков, пошел значительно успешнее, чем раньше. Кроме того, в 1742 и 1743 гг. был временно уменьшен годовой размер подушной подати с 70 коп. до 60 коп.

Уменьшение подушных платежей практиковалось и позже — в 1749—1751, 1753—1754, 1757—1758 гг., но в эти годы оно было связано с осуществлением программы, предложенной, пожалуй, одним из самых ярких деятелей елизаветинского царствования — Петром Ивановичем Шуваловым. С активизацией его деятельности во второй половине 40-х — 50-е годы связан новый этап внутренней политики русского абсолютизма. Поэтому уместно подробнее рассказать о наиболее важных проектах Шувалова.

В публицистике и политических документах второй четверти XVIII в. стало общим местом признание огромного значения платящего подушную подать крестьянства как для обороноспособности государства, так и для его общего благосостояния. (Заметим, что дворяне и духовенство не платили подушную подать.) Аргументируя предложения о некотором облегчении податных тягот крестьян, верховники во главе с А. Д. Меншиковым писали в записке 1727 г.: «Армия так нужна, что без нея государству стоять невозможно, того ради и о крестьянах попечение иметь надлежит, ибо солдат с крестьянином связан, как душа с телом; и когда крестьянина не будет, тогда не будет и солдата»²⁶.

Почти те же мысли посещали и П. И. Шувалова: «Всякого звания государственные члены: дворянство, духовенство — и всякие владельцы пропитание и во всем содержание свое с них (крестьян.— Е. А.) имеют». Но из этих неоригинальных наблюдений богатейший сановник России сделал весьма оригиналь-

ные выводы. Констатируя, что подушная подать составляет львиную долю в приходной части бюджета, он обращал внимание читателей своих проектов на ее «крайнее неудобство» для плательщиков, ведущее, с одной стороны, к разорению крестьянства, а с другой — к росту недоимок.

Дело в том, что подушной податью, введенной Петром в 1724 г., облагалось все мужское крестьянское и посадское население без различия возраста, физического состояния и экономического положения. Переписи-ревизии наличного числа мужских «душ» проводились редко, поэтому длительное время сельский и посадский мир был обязан вносить подать не только за престарелых и малолетних, но и за выбывших из оклада плательщиков (умерших, беглых, рекрутов и т. д.). Это вызывало постоянные жалобы крестьян и посадских, усиление побегов, обнищание и — как результат — рост недоимок в сборах подушной подати. Так обстояло дело и в 40-х годах XVIII в. Между тем в эти годы казна испытывала острую потребность в притоке поступлений: только для увеличения армии срочно требовалось не менее 1,2 млн. руб., а дефицит бюджета к 1749 г. достиг уже 3,6 млн. руб.

П. И. Шувалов понимал, что увеличивать ставку непопулярной в народе подушной подати бесперспективно, и поэтому выдвинул весьма смелое для того времени предложение о переориентации бюджетных поступлений с прямого на косвенное обложение. Конкретно в проектах 1745 и 1747 гг. он предложил постепенно поднимать цену на продаваемую государством соль (по мере расширения ее добычи) и соответственно снижать ставку подушной подати. Убеждая Елизавету, он писал: «...продажа (соли.— Е. А.), какой возвышенной ценой определена не будет, доход остановить не может, так как в употребление человеческое к содержанию жизни необходимая, и потому доход от соли не вовсе вольной есть». В дополнение к проекту о соли 31 июля 1747 г. Шувалов подал новый проект о повышении цен на вино, причем часть предполагаемой прибыли должна была тоже пойти на возмещение понижения подушной подати.

И хотя предложения Шувалова преследовали ту же цель, что и рекомендации «прибыльщиков» (изобретателей новых налогов), — рост доходов казны, его мысль о замене прямого обложения косвенным была, без сомнения, весьма прогрессивной для середины XVIII в. Именно в этом направлении (усиливающим товарно-денежные отношения) развивались финансы в передовых странах Европы. Например, из 575 млн. ливров прихода бюджета дореволюционной Франции 300 млн. ливров (52%) давал соляной налог и 60 млн. ливров (10%) — винные сборы. Разумеется, в конечном счете соляной налог, как и любой другой, ложился на плечи народа не меньшей тяжестью, чем подушная подать, ибо соль действительно продукт, «к содержанию жизни необходимый». Но умелый словесный камуфляж этой меры в

сочетании с понижением подушной подати в среднем за шесть лет на 3 коп. с «ревизской души» (причем в разгар Семилетней войны) позволил правительству провести реформу без эксцессов. В итоге цена на соль поднялась на 120%, а поступления в казну от соляного налога возросли с 801 тыс. в 1749 г. до 2,2 млн. руб. в 1761 г., т. е. почти в 3 раза. Почти утроились и доходы казны от увеличения цен на вино по предложению Шувалова — с 1,2 млн. в 1749 г. до 3,4 млн. руб. в 1761 г.

В 1752 и 1753 гг. Шувалов подал проекты реформы таможенного обложения. Он предложил вообще отменить все внутренние сборы с торговли, но при этом увеличить на 13 коп. с рубля привозные и ввозные пошлины. Указом 13 декабря 1753 г. реформа была осуществлена и увенчалась успехом для казны: в 1753 г. таможи дали 1,5 млн. руб., а в 1761 г. — 2,7 млн. руб. — и это в условиях войны!²⁷

Однако не фискальная сторона выделяет таможенную реформу Шувалова. Как известно, в XVIII в. происходил сложный экономический процесс складывания всероссийского рынка: усиливалась специализация регионов страны, росло число ярмарок, становились более интенсивными внутренние торговые связи. Огромная страна все больше и больше начинала функционировать как единый хозяйственный организм. Однако на пути быстрого развития всероссийских экономических связей вставали препятствия, среди которых наиболее серьезными были внутренние таможи. Они тормозили развитие торговли, причем при Петре I налоги на внутреннюю торговлю возросли.

В результате таможенной реформы Шувалова было покончено с наследием средневековья. Здесь нет преувеличения: от внутритаможенных барьеров, унаследованных от периода феодальной раздробленности, страдала экономика многих стран Европы даже в XIX в. Во Франции внутренние таможи были ликвидированы лишь вместе с монархией в ходе Великой французской революции, а в Германии — отменены в 30-х годах XIX в. Эти факты подчеркивают смелость и новизну шуваловского проекта, нестандартность мышления его автора.

Теперь рассмотрим внутреннюю подоплеку экономических реформ П. И. Шувалова, исключив лежащие на поверхности причины, как-то: элемент искренней заботы Шувалова о «государственном интересе» и личный, далеко не бескорыстный интерес нового «Могола» к финансовой стороне каждого проекта. Но для того чтобы выявить социальный механизм, приведший к реформам, необходимо вернуться на 20—30 лет назад от рассматриваемой эпохи и коснуться петровских реформ, точнее, их ближайших результатов.

Благодаря реформам Петра Великого Россия достигла значительных успехов в экономическом и политическом развитии и в течение жизни одного поколения вошла в число ведущих мировых держав, что имело огромное значение для последующего

развития страны. Но за счет чего были достигнуты эти успехи и кто в конечном счете пожал их плоды? Факты позволяют утверждать, что петровская эпоха ознаменовалась существенным усилением феодальной эксплуатации крестьянства, укреплением крепостнического режима во всех его проявлениях и, как никогда раньше, упрочила господство дворянского сословия во всех сферах жизни страны.

Исследования по истории помещичьего хозяйства первой половины XVIII в. свидетельствуют о непрерывном росте помещичьей эксплуатации, причем в форме барщины — наиболее тяжелой для крестьян повинности. Становление барщинной системы завершилось именно к середине XVIII в. В конце первой четверти XVIII в. по сравнению с серединой XVII в. количество имений с отработочной рентой увеличилось более чем в 3 раза, а число имений с денежной рентой уменьшилось в 2 раза. Резко возросла и подушная норма отработочной ренты. Иначе говоря, показатели барской запашки на душу мужского пола для основной части населения помещичьих владений с барщиной приблизились и даже превысили ту норму, которая считается предельной в эксплуатации крестьянина-земледедца²⁸.

Введение подушной подати в 1724 г. привело к стабилизации только государственных повинностей крестьян: на протяжении нескольких десятилетий с «ревизской души» взималось 70 коп. в год. Но размер владельческих повинностей крестьян закон не определял. Напротив, при стабильной подушной подати помещик мог по своему произволу увеличивать норму ренты, не опасаясь, что государство отнимет у него в виде налогов ту часть прибавочного продукта, на которую он рассчитывал. Таким образом, введение подушного обложения стало стимулом значительного непрерывного роста барщинных и оброчных повинностей крестьян в пользу помещика, что и фиксируют источники.

Дворянство не ограничивалось получением ренты с эксплуатации сельскохозяйственных занятий крестьян. Успехи развития экономики в петровский период подсказывали дворянству весьма перспективный и, как тогда казалось, легкий путь получения денег — торговое и промышленное предпринимательство. В 40—60-х годах XVIII в. предпринимательство дворян особенно усилилось в металлургической промышленности в непосредственной связи с возросшей доходностью отрасли. В 1750 г. спрос на русское железо достиг беспрецедентного уровня — 100% всей продукции, что породило своеобразный промышленный бум. Первыми дорогу к металлургическим заводам проложили братья П. И. и А. И. Шуваловы, прибравшие к рукам наиболее доходные казенные заводы Урала и европейского Центра.

Промышленная деятельность титулованных заводчиков А. И. и П. И. Шуваловых, М. И. и Р. И. Воронцовых, И. Г. Чернышева, С. П. Ягужинского и им подобных протекала в исключительно благоприятных условиях, позволяющих охарактеризовать их

как тепличные. Во-первых, все они получили из казны на весьма льготных условиях предприятия, приносившие доход. Во-вторых, в их распоряжении были в неограниченном количестве сырье (прежде всего руды), лесные и водные ресурсы и — самое главное — бесплатная рабочая сила: крепостные или приписные крестьяне, обязанные месяцами отрабатывать на заводах свою подушную подать. Государство делало все, чтобы новые заводовладельцы жили безбедно. Оно выдавало им ссуды, предоставляло льготы по выплате долгов, для некоторых из них делались исключения в законодательстве. Заводовладельцы из других сословий и государственные предприятия ставились во всех отношениях в неравные с ними конкурентные условия.

И тем не менее дворянское предпринимательство в области металлургии (да и в других отраслях промышленности) терпело крах. В чем дело? Исчерпывающий ответ на этот вопрос дал Н. И. Павленко в своей фундаментальной монографии «История металлургии в России XVIII в. Заводы и заводовладельцы». По его мнению, предпринимательство дворянства может быть понято лишь в контексте господствовавших тогда феодальных отношений, ибо приобретение мануфактур не делало их владельцев капиталистами и «в известной мере продолжало традиции феодальных пожалований». Дворянин-заводчик если и достигал успехов (как правило, временных), то только в результате применения экстенсивных способов ведения хозяйства: строились новые заводы или домны, приписывалось к заводам большее, чем разрешал закон, количество государственных крестьян, усиливалась промышленная эксплуатация собственных крепостных. Но, получая в качестве феодального пожалования мануфактуру — объект, качественно отличный от феодального поместья, «все заводовладельцы из дворян вели промышленное хозяйство теми же примитивными, хищническими приемами, какими они вели хозяйство в крепостной вотчине. Потребительская манера ведения хозяйства сказалась даже в том, что дворяне, получив в распоряжение такие существенные источники пополнения бюджета, как заводы, не только не поправили свои финансовые дела, но даже ухудшили их. Все дворяне-заводовладельцы оказались в неоплатном долгу у казны и частных кредиторов»²⁹.

Но в данном случае важен не результат предпринимательства, а сам факт приспособления душевладельцев к развивающемуся капиталистическому укладу с целью получения феодальной ренты в увеличенном размере.

Разумеется, не каждому дворянину было под силу размахнуться на металлургический завод. Поэтому многие дворяне успокаивались, заведя в собственной вотчине винокуренное производство. Излишки хлеба, получаемого с барской пашни, а также в виде натурального оброка с крестьян, бесплатный труд крепостных, в обязанность которых наряду с полевыми работами входило «сидение вина», — все это делало винокурение заманчи-

вым источником пополнения доходов в глазах дворян. В 30—60-х годах XVIII в. винокурение стало одним из самых популярных производств в крепостных вотчинах. В проекте 1741 г. на имя Анны Леопольдовны А. И. Остерман, отмечая развитие частного винокурения и слабость борьбы с контрабандной торговлей вином, писал, что к живущим в Петербурге помещикам (даже «имеющим самые малые деревни») приезжают их люди и «привозят вина от 100 до 300 ведер, и такое великое число не токмо сами выпить [не] могут, но хотя б вместо воды употребляли, то б им на год было довольно»³⁰. Насмешливое недоумение Остермана отражает его непонимание насущных интересов господствующего класса. В том же проекте он предлагал ограничить дворянское винокурение.

Елизаветинское правительство юмора в данной ситуации не углядело и внимательно подошло к нуждам дворян. И хотя оно не отменило необычайно выгодную казне монополию на торговлю вином, тем не менее активно содействовало развитию дворянского винокурения. Из всех покровительственных мер наиболее радикальной следует признать указ 1755 г., запретивший всем недворянам заниматься винокурением. Их заводы подлежали ликвидации или продаже. В итоге дворянство монополизировало одну из доходнейших отраслей промышленности. Резкое изменение политики привело к изменению структуры всей отрасли. На предприятиях винокурения возобладал подневольный труд. Как отмечал М. Я. Волков, в середине XVIII в. винокуренные заводы «стали вотчинными предприятиями не только по их размещению в вотчинах и обеспечению сырьем, произведенным в барщинном хозяйстве, но и по составу рабочей силы... винокуренные заводы стали органической частью барщинного хозяйства, придав этому хозяйству в большей или в меньшей мере товарный характер»³¹.

Следует попутно заметить, что в первой половине XVIII в., и особенно после смерти Петра, для экономики России стало характерным повсеместное использование подневольного труда крепостных или приписных государственных крестьян. Предпринимателям (в том числе и недворянам) не приходилось возлагать надежд на рынок вольной рабочей силы, который с усилением борьбы государства с беглыми, «вольными и гулящими» — основным контингентом работных людей — существенно сузился. Более верным и дешевым способом обеспечения заводов рабочей силой была покупка или приписка к предприятиям целых деревень.

Политика протекционизма, проводимая Петром I и его преемниками, предусматривала приписку и продажу крестьян и целых деревень владельцам мануфактур, и прежде всего таких, которые поставляли в казну необходимые для обороны изделия (железо, сукно, селитру, пеньку и т. д.). Указом 1736 г. все работные люди (в том числе вольнонаемные) признавались крепостными вла-

дельцев завода. Указом 1744 г. Елизавета подтвердила постановление от 18 января 1721 г., разрешавшее частным мануфактуристам покупать к заводам деревни. Поэтому неудивительно, что во времена Елизаветы целые отрасли промышленности (если не почти вся промышленность) зиждились на подневольном труде. Так, во второй четверти XVIII в. на большинстве заводов Строгановых и Демидовых использовался исключительно труд крепостных и приписных крестьян, а предприятия суконной промышленности вообще не знали наемного труда — государство, заинтересованное в поставках сукна для армии, щедро раздавало заводчикам государственных крестьян³².

Сложная картина была и на предприятиях, принадлежавших государству. Перепись работных людей уральских государственных заводов, проведенная в 1744—1745 гг., показала, что вольнонаемные среди них составляли лишь 1,7%, а остальные 98,3% работали в принудительном порядке³³.

Правда, предприятия заводчиков, не пользовавшихся покровительством казны (в полотняной, шелковой и других «нестратегических» по тем временам отраслях промышленности), обходились преимущественно вольнонаемным трудом. Однако в целом перевес был на стороне крепостнических форм организации производства, что не могло не отразиться самым пагубным образом на экономическом развитии страны. Во второй половине XVIII и особенно в первой половине XIX в. мануфактурная промышленность, построенная на феодальных формах эксплуатации, определила в совокупности с другими факторами отставание России по ряду важнейших показателей от европейских держав.

Возвращаясь к рассматриваемому периоду, отметим, что промышленность все же не стала основным источником неземледельческих доходов дворянства. Торговля — вот что считалось тогда наиболее выгодным и беспроигрышным делом для дворянина. Основным предметом торговли было сырье: хлеб, смола, пенька, шедшие на экспорт и покупавшиеся в Европе практически в неограниченном количестве. Дворянство получало доход от торговли двояко. Дворянские коммерсанты, с одной стороны, добивались разрешения на вывоз за границу крупных партий хлеба (до 1—3 млн. пудов), а с другой — поощряли развитие торговли принадлежавших им крестьян, среди которых появлялись весьма самостоятельные и оборотистые дельцы.

В середине 50-х годов XVIII в. вице-канцлер М. И. Воронцов подал челобитную, в которой просил предоставить ему монополию на вывоз хлеба за границу. В мотивировочной части челобитной он высказал идеи общеэкономического характера, которые позволяют судить о том, как дворянин и крупнейший чиновник увязывал «общую государственную пользу» с узкословными дворянскими интересами. Воронцов выступал сторонником протекционизма, интенсивной внешней торговли с активным торговым балансом и вместе с тем считал основой богатства

государства и соответственно главной статьей торговли «произрастающие в нем продукты». Такой типично физиократический подход сулил, по его мнению, много выгод. С исчезновением избытка дешевого хлеба, проданного за границу, крестьянство в погоне за выгодой забудет присущую ему «леность и последующую от того бедность» и будет распахивать новые посевные площади, заниматься транспортировкой хлеба к портам. Если учесть, что крестьянство на 70% состояло из крепостных крестьян, а помещики, и прежде всего сам Воронцов, стремились монополизировать хлебную торговлю, то станет ясно, что средства от активного крестьянского хлебопашества должны были попасть в карман тех же помещиков.

Здесь уместно вспомнить о проектах П. И. Шувалова, предусматривавших уменьшение подушной подати, ибо их подлинный социальный смысл открывается именно в контексте той конкретной социально-экономической обстановки, которая сложилась в России к середине XVIII в. Подушная подать крестьян, ответственность за уплату которой в казну несли сами душевладельцы, постоянно вызывала нарекания дворянства. За этим недовольством стоял вполне ясный расчет: деньги, взятые государством в качестве подушной подати, отрывались от общей суммы ренты, взимаемой с крестьян их владельцами.

Дореволюционный правовед прогрессивного толка В. Н. Латкин, анализируя дворянские указы 1767 г., отмечал, что авторы почти всех наказов хлопочут об облегчении государственных повинностей крестьян, «доказывая, как трудно приходится мужику и как необходимо облегчить его участь. Читая эти места наказов, можно умиляться от той платонической любви к меньшей братье, которой дышат названные строки. К сожалению, «платонического» во всем этом ровно ничего нет, так как стимулы подобной защиты интересов крестьян чисто практического свойства. Чем меньше мужик отправляет повинностей и платит разных сборов, тем меньше он разоряется, а с богатого мужика и взять можно больше — вот вся незамысловатая философия составителей наказов, побудивших их отстаивать мужицкие карманы от эксплуатации со стороны государства»³⁴.

Истинную подоплеку такой «защиты» понимали уже современники. Анонимный автор «Записки о соли» в 60-х годах XVIII в. писал: «Правда, что дворянство, может быть, сожалея своих крестьян, прибавку подушных денег почитает для народу за несносное дело, однако ж они прибавку на своих крестьян собственных своих доходов [ради] вместо того, что от государя Петра Первого представлено им было по 40 коп. з души (обычная при Петре величина денежного оброка владельческих крестьян.— Е. А.), не сожалеют налагать до 2-х рублей, а иные — до 3-х и более»³⁵. Автор записки верно уловил общую тенденцию развития ренты в XVIII в. Быстрый рост крестьянских повинностей в пользу помещика был непосредственно связан

с ограничением государственного налога владельческих крестьян. 70-копечный подушный сбор, установленный вскоре после смерти Петра, за исключением нескольких льготных лет, оставался неизменным до конца века, а курс рубля за это время упал не менее чем в 5 раз. Следовательно, в противоположность помещичьей ренте государственный налог фактически уменьшался. В русле отмеченной тенденции и надо расценивать предложения П. И. Шувалова о замене прямых налогов косвенными.

Следующий момент. Дворянство, вовлекаемое в торговую деятельность, добивалось наиболее благоприятных для себя условий торговли. Этого можно было достичь не отдельными изъятиями из торгово-таможенного законодательства, а коренной реформой. Отмена внутренних таможен по проекту Шувалова и была ответом на потребности дворянства. Поэтому есть все основания согласиться с М. Я. Волковым — автором исследования о шуваловской реформе, писавшим: «Изменение позиций дворянства в отношении обложения внутренней торговли явилось главным фактором, решившим судьбу внутренней таможенной системы». Это обстоятельство и предопределило противоречивость осуществленного Шуваловым мероприятия: с одной стороны, «в силу объективных условий реформа получила в значительной мере буржуазный характер», но, с другой стороны, она была проведена в узкосословных интересах дворянства, «добивавшегося увеличения доходов от эксплуатации крестьян»³⁶.

Показательно также и то, что отмена внутренних таможен не повлекла за собой устранения других препятствий на пути свободной торговли, а именно различных монополий и откупов, которые были весьма выгодны дворянству. Крупнейшим «монополистом» и откупщиком елизаветинского времени был все тот же П. И. Шувалов. В 40—50-х годах он добился передачи ему на откуп нескольких крупнейших промыслов, кормивших ранее целые поколения рыбаков и промысловиков. Он получил монопольное право на добычу морского зверя, китов и рыбы на Севере, в Ладогe и даже на Каспии. Эти промыслы приносили ему огромные, практически не контролируемые казной доходы. Не гнушались отбивать у купцов даже мелкие откупа и другие — подобные П. И. Шувалову или крупнейшему помещику России П. Б. Шереметеву — богачи и царедворцы. В 1758 г. брат канцлера Роман Воронцов и камергер А. Б. Куракин получили монополию на всю «восточную» торговлю сроком на 30 лет³⁷.

Поддержка государством торговых и промышленных начинаний дворянства выражалась не только в предоставлении им монополий и льгот. В 1757 г. был введен новый таможенный тариф ярко протекционистского характера, ставший барьером на пути ввоза иностранных промышленных товаров, способных конкурировать с изделиями отечественных мануфактур, среди владельцев которых были и дворяне. Одновременно были установлены сравнительно невысокие вывозные пошлины на готовую

продукцию и сырье. Кроме того, учитывая большую заинтересованность дворянства в вывозе и продаже за границей хлеба, правительство разрешило свободный вывоз хлеба за границу.

Если Таможенный тариф 1757 г. был благоприятен в целом для торговли и промышленности, то банковская политика была ориентирована главным образом на удовлетворение нужд дворянства.

С 1756 г. П. И. Шувалов стал подавать проекты, посвященные монетным делам. По его проекту был создан Медный банк, который он сам и возглавил. Из 20,5 млн. руб. прибыли, полученной от перечеканки медной монеты, Шувалов предложил выделить 6 млн. руб. в качестве капитала Медного банка. Цель банка — предоставлять дворянам, «фабрикантам» и купцам крупные ссуды (по 50—100 тыс. руб.) из расчета 6% годовых в расщелку до 18 лет. По мысли Шувалова, кредит государства на льготных условиях поможет дворянству избежать засилья частных кредиторов (разоривших дворян огромными процентами), а также обзавестись заводами и фабриками. «Долг обязывает нас, — восклицал дворянский идеолог, — о благосостоянии всего общества, а особливо о сочлене своем попечение иметь».

Как справедливо отметил С. М. Троицкий, содержание проекта Шувалова, несомненно, свидетельствует «о желании его автора использовать средства государственного бюджета не столько для развития торговли и промышленности в интересах формирующейся буржуазии и получения таким путем возможности увеличивать доходы казны, сколько для того, чтобы поправить дела разорившихся дворян и помочь им приспособиться к росту товарно-денежных отношений в стране». Уместно упомянуть, что в 1759—1761 гг. огромные ссуды получили обер-егермейстер С. К. Нарышкин и камергер С. П. Ягужинский (по 150 тыс. руб.), камергер П. И. Репнин и барон С. Г. Строганов (по 100 тыс. руб.), граф И. Г. Чернышев и генерал Левен (по 50 тыс. руб.) и многие другие представители знати. После смерти в 1762 г. П. И. Шувалова вскрылось, что сам организатор и руководитель всего дела взял ссуду на 473 тыс. руб. К середине 1762 г. Медный банк выдал ссуд на 3,2 млн. руб., причем большая часть этих денег — 2 млн. руб. — осела в карманах дворян³⁸.

Как видим, приведенные факты достаточно убедительно характеризуют реальное экономическое господство дворян. Этот объективный фактор не мог не отразиться в сферах политики, идеологии, права. Следствием усиления экономического и политического могущества дворянства в первой половине XVIII в. явились оформление дворянского корпоративного сознания, этики и развитие дворянской идеологии.

Важнейшей чертой мировоззрения дворянства было сознание общности интересов и привилегированной обособленности дворян как некоего целого, «корпуса» от других сословий. Термин «корпус дворянства» впервые встречается в дворянских на-

казах, поданных в Уложенную комиссию 1767 г. Эти указы весьма интересны для нашей темы, ибо их идеи созрели в елизаветинское время и даже раньше. Как писал В. Н. Латкин, автор книги «Законодательные комиссии в России в XVIII столетии», «воззрение, что все родовые дворяне составляют в совокупности нечто единое целое, являются, одним словом, членами одного «корпуса», обладающего особыми правами и привилегиями, составные элементы которого проникнуты вдобавок сознанием общности своих сословных интересов, было продуктом новой, петровской России и сказалось далеко не впервые в царствование Екатерины II. Еще 37 лет перед тем, когда дворянству предстал случай заявить о своих стремлениях и желаниях, оно высказалось в том же духе и направлении. Мы говорим о событиях, предшествовавших вступлению на престол императрицы Анны Иоанновны, когда шляхетство впервые заявило о своих политических и общественных идеалах во многих проектах государственного устройства и управления, поданных им в Верховный тайный совет»³⁹.

Отмеченное В. Н. Латкиным единство корпоративного сознания дворянства в период, целиком включающий елизаветинское царствование, выражалось в ряде конкретных требований дворянства, предъявляемых им к абсолютному монарху.

Как уже отмечалось, в 1754 г. по инициативе П. И. Шувалова была организована Комиссия для разработки нового законодательства. К концу 1761 г. была закончена важнейшая, третья часть будущего Уложения — «О состоянии подданных вообще». Анализ ее содержания показывает, что в ней учтены дворянские требования, типичные для середины XVIII в. Смерть Елизаветы, а затем свержение Петра III помешали завершению Уложения, и его подготовленная часть так и не увидела свет. Тем не менее оставшиеся материалы имеют большую историческую ценность, ибо они позволяют охарактеризовать особенности политики правительства Елизаветы в дворянском вопросе.

Широкие круги дворянства, подавшие свои указы уже после смерти Елизаветы, не знали содержания проекта Уложения. Тем примечательнее, что в своих наказах они высказывали именно те пожелания, которые как раз и были бы удовлетворены, будь елизаветинское Уложение издано. В. Н. Латкин, сделавший это наблюдение, писал: «Если бы императрица Елизавета Петровна или ее преемники вызвали к жизни рассматриваемый проект, утвердив его своей санкцией и дав ему силу закона, то тем самым они бы значительно удовлетворили желания сословий, которым пришлось бы тогда в 1767 г. высказаться только по немногим вопросам. Стремления и желания сословий, выраженные в их наказах, прямо свидетельствуют в пользу того, что большинство или по крайней мере многие из них были достигнуты и удовлетворены в рассматриваемом проекте»⁴⁰. Следует только добавить, что проект Уложения был способен «значительно удов-

Здание двенадцати коллегий. Гравюра Ф. Г. Внукова. 1753 г.

Проспект Биржи и Гостиного двора. Гравюра И. П. Елякова. 1753 г.

М. В. Ломоносов. Гравюра Х. А. Вортмана. 50-е годы XVIII в.

Проспект вниз по Неве. Кунсткамера и Академия наук.
Гравюра Г. А. Качалова. 1753 г.

Фейерверк перед зданием Академии наук.
1749 г. Неизвестный художник XVIII в. Гравюра

А. П. Бестужев-Рюмин.
Неизвестный художник
XVIII в. Гравюра

К. Г. Разумовский.
Неизвестный художник
XVIII в. Гравюра

Я. Штеллин.
Неизвестный художник
XVIII в. Гравюра

Фейерверк в Петербурге. 1748 г.
Неизвестный художник XVIII в. Гравюра

Проспект Большого дворца в Ораниенбауме со стороны Финского залива.
Неизвестный художник XVIII в. Гравюра (вверху)

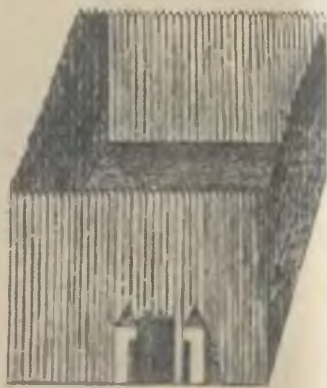
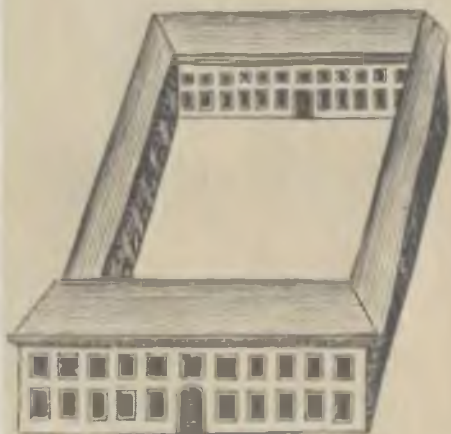

Проспект Большого дворца в Петергофе со стороны Финского залива.
Гравюра Н. Ф. Челнокова и П. А. Артемьева. 1761 г. (внизу)

Проспект по р. Фонтанке от Грота и Запасного дворца.
Гравюра Г. А. Качалова

Губернская канцелярия и аустерия. XVIII в. (вверху).
Большой Почтовый двор и острог. XVIII в. (внизу)

Действие прессы и штампа на Тульском оружейном заводе. Рисунки XVIII в. ►

◀ Русская деревня на почтовом тракте. Гравюра XVIII в.

◀ Крестьянские типы. Середина XVIII в.

Внутренний вид крестьянской избы. Гравюра XVIII в.

Наказание батогами. Гравюра XVIII в.

Наказание кнутом. Гравюра XVIII в.

Ручные и ножные кандалы. XVIII в.

Цепь для приковывания осужденных. XVIII в.

летворить желания» лишь одного сословия. Сугубо продворянский характер проекта елизаветинского Уложения становится очевиден в сопоставлении его норм с законодательством Екатерины II. В целом ряде случаев Елизавета была намерена пожаловать дворянству даже больше привилегий (в ущерб общегосударственным интересам), чем дали ему указы Екатерины II, правление которой стало «золотым веком» дворянства.

Рассмотрим некоторые наиболее важные положения проекта елизаветинского Уложения.

Как известно, в первой половине XVIII в. дворянство активно добивалось упрочения своего исключительного положения в социальной системе страны. Прежде всего оно стремилось ограничить доступ в свои ряды выходцам из других сословий. Наиболее консервативная часть дворян высказывалась за отмену петровской Табели о рангах, открывавшей недворянину возможность выслужить на государственной службе чин, позволявший стать дворянином. Другая, более умеренная часть дворян добивалась разделения дворянства на родовитое и чиновное, настаивала на введении родословных книг, массовой проверке подлинности свидетельств о дворянстве и исключении самозванцев из «благородного сословия». Эти идеи занимали дворян в 1730 г., когда они подавали проекты государственного устройства в Верховный тайный совет; эти же идеи волновали их детей, когда в 1767 г. составлялись дворянские наказы в Комиссию об Уложении Екатерины II⁴¹.

В проекте елизаветинского Уложения эти дворянские требования становились юридической нормой. Первые шесть параграфов главы XXII «О дворянах и их преимуществе» буквально пронизаны кастовым дворянским духом. Преимущество дворянства перед другими сословиями обосновывалось тем, что дворяне отличны «от прочих сограждан своих благоразумием и храбростью» и показали «чрезвычайное в государственных делах искусство, ревность и знатные услуги отечеству и Нам». Дворянство делилось на несколько категорий по степени знатности. Подлинными дворянами признавались лица, во-первых, «происшедшие от знатных и древних поколений Российского государства» или от «таких же знатных и благородных» переселенцев из других стран; во-вторых, получившие дворянство от верховной власти и способные доказать, что их предки являлись дворянами до 1700 г.; в-третьих, получившие дворянство от иностранных монархов и, наконец, в-четвертых, дворяне завоеванных областей. По мысли законодателя, данная классификация была необходима для того, чтобы «в службе нашей находящиеся, но ниже предки их, ниже они сами дворянства не заслужившего чести, сему чину приличной, самозванством и вымыслом своим себе не приписывали и преимуществ, данных оному, требовать или каким-нибудь образом присвоить не дерзали»⁴².

В январе 1761 г. Сенат подал Елизавете доклад, в котором

решительно выступил в защиту дворян, оказавшихся на одной служебной ступеньке с выходцами из других сословий и не имевших в силу своего происхождения никаких перед ними преимуществ. Авторы проекта Уложения пошли гораздо дальше — принцип петровской Табели о рангах ими фактически отменялся. Из текста § 5 главы XXII следует, что возведение разночинцев в чины, дающие право на дворянство, Петру якобы было нужно для того, чтобы поощряемые таким образом разночинцы достигли успехов «в науках, мореплавании и воинском искусстве», а дворяне, глядя на них, «возымели ревность и получили большую охоту» к этим занятиям; теперь же, когда дворяне с успехом во всех таких делах «упражняются и успевают», необходимость в этом отпала, а поэтому разночинцев, дослужившихся до чинов, дающих право на дворянство, должно «от особых преимуществ, данных одним дворянам, исключить»⁴³.

Так авторы проекта Уложения отреагировали на давнее недовольство дворянства проникновением выходцев из «подлых сословий» путем выслуги в «благородное сословие».

Еще при жизни Елизаветы составители Уложения разработали норму, отменявшую обязанность государственной службы для дворян. Она получила силу закона при Петре III 19 февраля 1762 г. в его манифесте «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству»⁴⁴. Следует ли особо говорить об этой сокровенной мечте дворян со времен Петра I, который принуждал их учиться и служить. Норма «о вольности и свободе дворян» явилась прямым ответом на их давние пожелания, удовлетворенные лишь отчасти указом 1736 г. о сокращении службы дворян до 25 лет. Проект елизаветинского Уложения гарантировал дворянам льготные условия при возвращении на службу, право выезда за границу, свободу от участия в каких бы то ни было «земских делах» и т. д.

Проект Уложения вводил, кроме того, несколько важнейших привилегий, которых дворянство долго и упорно добивалось и требовало в наказах 1767 г. Так, § 15 главы XXII предусматривал, что в отличие от прочих подданных дворян нельзя было (без поимки с поличным) арестовывать, пытаться, подвергать телесным наказаниям и ссылать на каторгу. Пожалуй, самое существенное положение параграфа о наказаниях состояло в запрещении отписывать на государя имения дворян-преступников. В 1785 г. все эти льготы были пожалованы дворянству Екатериной II.

На протяжении столетий дворянство боролось за право свободно — вне зависимости от службы монарху — распоряжаться земельной собственностью. В XVIII в. со слиянием двух видов дворянского землевладения: поместья (пожизненного владения, обусловленного службой) и вотчины (наследственной собственности) — дворянство добилось этого права. Проект Уложения разрешал дворянину продавать, закладывать свои земли, «вот-

чины свои нераздельно или по частям отдавать в наследии», т. е. подтверждал отмену при Анне Ивановне петровского закона 1714 г. о единонаследии владений. Но проект Уложения содержит и параграфы, развивающие нормы о свободе дворянства в обращении с земельной недвижимостью. Монопольное право дворян на землю и ранее декларировалось абсолютизмом, но на практике нарушалось, особенно при Петре. Теперь же, при его дочери, было решено покончить с этими нарушениями. Указы 1758 и 1760 гг. запретили канцелярским служителям в обер-офицерских рангах «деревень равно с дворяны покупать и за собою иметь»⁴⁵. Проект Уложения распространил этот запрет на недворян-мануфактуристов и установил, что все предприятия, использующие труд населения купленных к ним деревень, являются собственностью исключительно дворянства, а их владельцы — недворяне обязаны продать заводы с деревнями дворянам.

Запрещение недворянам покупать населенные владения в немалой степени было обусловлено стремлением дворянства монополизировать важнейший источник экономического благосостояния, а также рабочей силы тогдашней мануфактуры — крепостную деревню и тем самым прибрать к рукам наиболее доходные отрасли промышленности. В § 7 главы XXIII «Право купеческое» прямо говорится, что купцам разрешается «заводить и содержать мануфактуры и фабрики, кроме винных, стеклянных и других всяких металлов и минералов заводов, кои все дворянам принадлежат»⁴⁶. Иначе говоря, проект Уложения вводил монопольное право дворян на всю металлургическую промышленность и подтверждал пожалованную им в 1754 г. монополию на винокурение.

Монополия дворянства распространялась и на эксплуатацию крепостных. Составители проекта Уложения понимали, что без крепостных рабочих фабрикантам-недворянам не обойтись. Поэтому проект разрешал покупку к заводам «людей без земли» и их эксплуатацию на производстве, но не более того: фабрикант не имел права продавать, отпускать на волю, закладывать крепостного, брать с него оброки и использовать на не заводских работах.

Право свободного душевладения и эксплуатации крепостного крестьянства полностью и безраздельно принадлежало только дворянам. Можно без преувеличения утверждать, что § 1 главы XIX «О власти дворянской...» звучит настоящим апофеозом крепостничеству: «Дворянство имеет над людьми и крестьяны своими мужескаго и женскаго полу и над именем их полную власть без изъятия, кроме отнятия живота и наказания кнутом и произведения над оными пыток. И для того волен всякий дворянин тех своих людей и крестьян продавать и закладывать, в приданые и в рекруты отдавать и во всякие крепости укреплять, на волю и для промыслу и прокормления на время, а вдов и девок для замужества за посторонних отпускать, из деревень

в другия свои деревни... переводить и разным художествам и мастерствам обучать, мужескому полу жениться, а женскому полу замуж идтить позволять и, по изволению своему, во услужение, работы и посылки употреблять и всякия, кроме вышеописанных, наказания чинить или для наказания в судебные правительства представлять, и, по рассуждению своему, прощение чинить и от того наказания освобождать»⁴⁷.

Внимательно перечитайте эту цитату, читатель! По своей прямоте, циничной обнаженности крепостнической сути перед Вами редкостный документ. В нем нет ни слова о правах крестьянина, речь идет о нем лишь как о живой собственности. И этот документ должен был стать основным законом страны! В этом смысле § 1 главы XIX проекта Уложения 1754—1761 гг. уникален, ибо отличается как от норм Уложения 1649 г., оставлявших крестьянину хоть какие-то, пусть и формальные, права, так и от последующего законодательства второй половины XVIII в., прилагавшего много усилий, чтобы замаскировать ту же неограниченную власть одного человека над жизнью, имуществом, свободой и достоинством другого, господство одного класса над другим.

В совокупности проект елизаветинского Уложения отражает необычайно возросшее к 60-м годам XVIII в. значение дворянства в жизни страны. И хотя этот проект не стал Уложением, его нормы, ожившие в наказах дворян 1767 г., в большинстве своем в течение второй половины XVIII в. стали законами и закрепили юридически на долгие годы власть дворянства.

Проект Уложения, как и наказы дворян 1767 г., дает мало пищи для суждений о политических претензиях дворянства. Но даже в этих сугубо верноподданнических документах видны идеи, свидетельствующие о стремлении дворян добиться усиления своей политической власти. Дворянство открыто добивалось создания местных корпораций дворянства, выведения дворян из-под власти и юрисдикции местной администрации путем создания дворянских судов и расширения административно-судебной власти дворянских обществ в делах местного управления. Главный смысл всех этих преобразований исчерпывающе выразили авторы наказа дворян Кашинского уезда: «...живущий дворянин в уезде независим бы был ни от кого, кроме того уезда дворян, и чтобы воеводская канцелярия и ниже другия какия правительства не могли дворянина собою к суду призвать, или к должности определить, или по какому делу взять»⁴⁸. В передаче власти на местах дворянским «корпусам» дворянские теоретики видели залог беспристрастного судейства, беспорочного управления и соблюдения дворянского и государственного «интереса».

Вопрос о дворянском управлении на местах в царствование Елизаветы был впервые затронут в проекте П. И. Шувалова 1754 г. «О разных государственной пользы способах». В числе многих других тем Шувалов коснулся и недостатков местного

управления. Для «поправления» этих недостатков он предложил создать параллельно существующей местной администрации систему комиссарства и привлечь к работе в ней местное дворянство⁴⁹. В проекте Уложения проблема организации корпорации местного дворянства и вовлечения его в управление должна была решиться положительно. Составители Уложения предполагали посвятить этому вопросу две отдельные главы, но в сохранившихся материалах Комиссии об Уложении они до нас не дошли. Впоследствии требования о расширении власти дворян на местах и дворянских съездах вошли в указы дворян 1767 г. и затем были целиком реализованы при Екатерине II.

Не трудно догадаться, что в дворянской среде могли циркулировать и идеи об участии представителей дворянства в системе высшей власти. События 1730 г. показали, что такие идеи были. Почти во всех проектах шляхетства, поданных в Верховный тайный совет, участие дворян в управлении государством рассматривалось как неперемennое условие будущего политического устройства России.

Период правления Екатерины II ознаменовался активизацией аристократической группировки Паниных, желавших ограничения самодержавия и большего участия дворянства в управлении государством. Елизаветинское царствование, когда (как мы уже видели) интересы дворянства выдвинулись во внутренней политике на первый план, не является исключением, хотя политические амбиции дворянства не проявлялись тогда так отчетливо, как это было в 1730 г. Указанные тенденции нашли свое отражение в прожектерской деятельности фаворита императрицы Ивана Ивановича Шувалова.

В конце 50-х — самом начале 60-х годов И. И. Шувалов подготавливал несколько проектов указов Сенату и памятную записку для Елизаветы. Эти документы представляют собой любопытный образец дворянской мысли XVIII в. Шувалов считал необходимым провести ряд преобразований. Планируя их, он исходил из двух положений: признания, во-первых, неблагополучного состояния внутренних дел и, во-вторых, целесообразности более последовательно проводить в жизнь петровские принципы политики. Касаясь первого положения, он подчеркивал, что широкое распространение злоупотреблений, «неправосудия, нападков, грабежей и разорений» отрицательно сказывается на благосостоянии как всей страны, ведущей войну, так и каждого подданного. «Большая причина того невежества,— пояснял Шувалов,— что прямо не знают должности своей к государю, к государству, к общему добру и любви к ближнему». Но главное зло заключалось в нарушении законов «святых и полезных», по терминологии Шувалова. Примерно в том же русле развивалась и петровская правовая мысль.

Во взглядах И. И. Шувалова нашли отражение многие идеи, весьма популярные в праве и публицистике первой половины

XVIII в. Как и теоретики «регулярного государства», Шувалов видел путь к вожделенному «общему благу» (которое, впрочем, понималось весьма различно применительно к каждому сословию и жестко детерминировалось социальными принципами) в неукоснительном соблюдении государственных законов и беспощадном преследовании их нарушителей. Но, сталкиваясь на практике с отсутствием таких универсальных законов, строгое исполнение которых как раз и должно было обеспечить «общее благо», мысль законодателя была устремлена на их создание. Именно поэтому Шувалов считал необходимым возобновить прерванную в конце 50-х годов работу по составлению Уложения и срочно ввести его в действие. Кроме того, он предложил ряд мер по «пресечению ябед» и исправлению многочисленных недостатков в работе администрации, в финансах, промышленности, на флоте и т. д.

Большинство предложений И. И. Шувалова нельзя назвать принципиально новыми и оригинальными, но в записке, предназначенной для Елизаветы, есть предложения, смелость и новизна которых очевидны. В частности, Шувалов советовал императрице ввести в стране особые, «фундаментальные и непременные» законы. Им Шувалов придавал огромное значение, считая, что они — «самая польза, благополучие в. и. в. подданных непременными делают». Чтобы убедить Елизавету последовать его совету, Шувалов напоминает императрице, как она «неисповедимым божеским промыслом» была возведена на престол, и указывает, что наступило время воздать богу за благодеяние. По его мнению, благодарность монарха должна выразиться в изыскании способа к «блаженству и благополучию... народа», проявившего в день переворота 25 ноября 1741 г. «верность, ревность и усердие». По мысли Шувалова, реальным способом «открыть путь к общему благосостоянию» может быть издание императрицей «фундаментальных и непременных законов в его (народа.— Е. А.) пользу при исправлении нынешних законов».

В аргументации И. И. Шувалова переплетаются важнейшие положения идеологов петровского времени об обязанностях монарха делать благо своим подданным и идеи, характерные для просветителей, в частности для Монтескьё. Как известно, французский мыслитель видел главное отличие деспотии от монархии в том, что второй вид правления предполагает наличие «непременных» законов, положенных в основу власти монарха и обязательных для него самого. «Фундаментальные и непременные» законы И. И. Шувалова — это слепок с «основных» законов Монтескьё с учетом условий России. В конечном счете, как и у Монтескьё, законы Шувалова направлены на ограничение самодержавной власти.

Согласно проекту И. И. Шувалова, Елизавета должна была принести публичную присягу и «уверять и обещать пред богом как за себя, так и за наследников своих следующие законы свя-

то, нерушимо сохранять и содержать и повелеть всем верноподанным, как истинным детям отечества, во всех случаях наблюдать их непоколебимость и ненарушение и в сем указать учинить присягу» подданным. Ограничительный смысл предложения И. И. Шувалова очевиден: императрица должна была присягнуть, что будет соблюдать законы, а подданные должны были присягнуть, что будут наблюдать за их сохранением!

В чем же суть самих законов? Прежде всего императрица обязывалась «утвердить самодержавной властью и присягою, дабы все государи российского престола и жены их, и дети, и мужеск, и женск пол были греческого и православного закона», а все русские «в оном законе постоянно, навсегда пребудут». Затем ей надлежало ввести своеобразную квоту на число служилых иностранцев. И. И. Шувалов считал, что все сенаторы, президентны коллегий, губернаторы должны быть только из русских; из них же должны комплектоваться две трети генералитета и офицерского корпуса; в замещении оставшейся трети постов преимущество следует отдать лифляндцам и эстляндцам — подданным России. Эти положения были навеяны политической ситуацией в России 30-х — начала 40-х годов XVIII в. и должны были предотвратить возможность возникновения бироновщины.

Не приходится сомневаться, что «дети отечества», обязанные стоять на страже «фундаментальных и непременных» законов, — это дворяне. Об их интересах И. И. Шувалов хлопочет прежде всего. Хотя в списке проектируемых Шуваловым законов есть пункт о купцах и крестьянах, они в качестве политической силы не фигурируют. Предполагалось лишь о них «сделать рассмотрение и стараться их состояние сделать полезнейшим отечеству и им самим». Зато дворяне получают, согласно «фундаментальным и непременным» законам, важнейшие привилегии: сокращается весьма существенно срок их службы (§ 15); «впадшее в преступление дворянство теряет только конфискацию собственно нажитое собою имение, а не родовое» (§ 13); дворянство освобождается «от безчестной политической казни» (§ 14)⁵⁰. Как видим, Шувалов ввел в число своих «фундаментальных» законов важнейшие требования дворянства — неприкосновенность земельной собственности и неподсудность общему суду.

К сожалению, в нашем распоряжении нет материалов, которые бы позволили более подробно рассмотреть историю проекта И. И. Шувалова. Но и сейчас несомненно главное: нереализованные планы фаворита Елизаветы свидетельствуют, что он был последовательным защитником прав дворянства. Впоследствии, при Петре III и Екатерине II, правительство хотя и реализовало многие пожелания дворянства и ввело в юридический быт ряд норм проекта елизаветинского Уложения, однако не решилось даже на обсуждение ограничительных законов, разработанных И. И. Шуваловым.

Прожектерская активность Шувалова не была простым вре-

мья препровождением фаворита. Рубеж 50-х и 60-х годов — время, когда для ближайшего окружения Елизаветы стало очевидным, что почти 20-летнее царствование дочери Петра Великого не принесло благополучия народу. 16 августа 1760 г. был опубликован указ Елизаветы Сенату, в котором отмечалось: «С каким прискорбием, по нашей к подданным любви, должны видеть, что установленные многие законы для блаженства и благосостояния государства своего исполнения не имеют от внутренних общих неприятелей, которые свою незаконную прибыль присяге, долгу и чести предпочитают... Ненасытная алчба корысти до того дошла, что некоторые места, учрежденные для правосудия, сделались торжищем, лихоимство и упущение — ободрение беззаконникам». Констатируя, что «в таком, достойном сожаления, состоянии находятся многие дела в государстве и бедные, утесненные неправосудием люди», Елизавета призвала весь Сенат и каждого его члена в отдельности «все свои силы и старание употребить к возстановлению желанного народного благосостояния... почитать свое отечество родством, а честность — дружбою»⁵¹.

Есть основания полагать, что инициатором издания указа был И. И. Шувалов. Примерно в это же время он направил Елизавете челобитную, в которой просил ее рассмотреть сделанное им представление об исправлении различных недостатков. «Всемилоливейшая государыня! — восклицал Шувалов. — Воззрите на плачевное многих людей состояние, стонущих под игом неправосудия, нападков, грабежей и разорений»⁵². Возможно, что именно в связи со стремлением обуздать злоупотребления и добиться улучшения работы Сената генерал-прокурором был назначен Я. П. Шаховской, давно прославившийся своим упрямым характером, непримиримостью к формальным нарушениям законов. Однако большего сделано не было.

Тем не менее прекраснодушные порывы императрицы и ее фаворита не следует относить к риторике, событиям только демагогического характера. До Елизаветы и особенно до Шувалова доходили многочисленные сообщения о распространении общих и частных «неустройев», разорении, бегстве и восстаниях крестьян. Но все эти явления истолковывались однозначно: причина их виделась в недостаточном соблюдении законов, злоупотреблениях судов и чиновников. Этот типичный для господствующей бюрократической верхушки взгляд, предполагающий веру в неограниченные возможности «справедливого» законодательства, исключал понимание главных причин народных бедствий и «неустройев». Между тем они коренились в существовании крепостного права и целого комплекса явлений, порожденного им.

Екатерина II, подготавливая свои мемуары, стремилась убедить будущего читателя в том, что она всегда была противницей крепостного права. Если отстраниться от «свободомыслия» «казанской помещицы», безжалостно расправившейся с тысячами «бунтовщиков» Пугачева, с Новиковым и Радищевым, то можно

увидеть в ее мемуарах вполне реалистичное свидетельство современника. Вспоминая о Москве середины XVIII в.— подлинной дворянской столице крепостнической России, Екатерина пишет: «Предрасположение к деспотизму вырабатывается там лучше, чем в каком-либо другом обитаемом месте на земле; оно прививается с самого раннего возраста к детям, которые видят, с какой жестокостью их родители обращаются со своими слугами; ведь нет дома, в котором не было бы железных ошейников, цепей и разных других инструментов для пытки при малейшей провинности тех, кого природа поместила в этот несчастный класс, которому нельзя разбить свои цепи без преступления». Далее Екатерина признается, что если бы она попробовала что-то предпринять для решения вопроса о крепостном праве, то это было бы ее последнее постановление: «Если посмеешь сказать, что они такие же люди, как мы, и даже когда я сама это говорю, я рискую тем, что в меня станут бросать камнями». Имея в виду середину 60-х годов XVIII в.— время работы Уложенной комиссии, Екатерина отмечает: «Я думаю, не было и двадцати человек, которые по этому предмету мыслили бы гуманно и как люди. А в 1750 г. их, конечно, было еще меньше, и, я думаю, мало людей в России даже подозревали, чтобы для слуг существовало другое состояние, кроме рабства»⁵³.

С этой оценкой трудно не согласиться. Вот лишь один документ — инструкция помещика своим приказчикам 1758 г. Параграф 36 «О наказаниях» гласит: «Наказании должны крестьянinem, дворовым и всем прочим чинить при рассуждении вины батогами... Однако должно осторожно поступать, дабы смертного убийства не учинять иль бы не изувечить. И для того толстой палкою по голове, по рукам и по ногам не бить. А когда случится такое наказание, что должно палкою наказывать, то, велев его наклоня, бить по спине, а лутчее сечь батогами по спине и ниже, ибо наказание чувствительнее будет, а крестьянин не изувечится»⁵⁴.

Эти строки исполнены деловитости, предусмотрительности рачительного хозяина, с такой же заботливостью относившегося к содержанию скота, правильности севооборота, своевременности сбора податей, о чем свидетельствует вся его инструкция. Важно заметить, что автором инструкции является образованнейший человек своего времени, обладавший тонким, язвительным умом. Имя ему — князь Михаил Михайлович Щербатов. Это он написал бичующий самодержавие памфлет «О повреждении нравов в России».

То, что строки о более «рациональной» порке крестьян и строки осуждения фаворитизма двора написаны одной рукой, не должно нас удивлять. В XVIII в. крепостное право было незыблемым фундаментом дворянских представлений об обществе и справедливости. Сознание того, что крепостной крестьянин такой же человек, как и дворянин, что он может испытывать такие же,

как и тот, чувства и что несвобода — его неестественное состояние, было недоступно подавляющей части дворянства. Тем больше мы должны ценить таких людей, как Новиков и Радищев, не только понявших это (как, например, Екатерина II), но и открывших борьбу против крепостного права и его апологетов.

Для большинства дворян XVIII в. крепостное право было будничным, ординарным явлением, привычно входившим в ткань их жизни. Так же буднично, как строки инструкции, М. М. Щербатов мог подписывать (и, вероятно, не раз подписывал) и подобный юридический документ: «Лета тысяча семьсот шестидесятого, декабря в девять на десять день, отставной капрал Никифор Гаврилов сын Сипягин, в роде своем не последний, продал я, Никифор, майору Якову Михееву сыну Писемскому старинных своих Галицкого уезда Корежской волости, из деревни Глобенова, крестьянских дочерей, девок: Соломону, Мавру да Ульяну Ивановых дочерей, малолетних, на вывоз. А взял я, Никифор, у него, Якова Писемского, за тех проданных девок денег три рубли. И вольно ему, Якову, и жене, и детям, и наследникам его теми девками с сей купчей владеть вечно, продать и заложить, и во всякие крепости учредить»⁵⁵.

Можно с уверенностью сказать, что таких купчих заключалось в те годы тысячи, десятки тысяч. Люди — мужчины, женщины, дети — целыми деревнями, семьями, поодиночке были предметом купли-продажи, и о них сообщали в газетах, как и о продающихся дровах, скоте, домах, книгах и т. д.

Неограниченная власть дворян над крепостными людьми, узаконенная государством и освященная церковью, не могла не приводить к усилению эксплуатации, жестокости обращения, а нередко и к преступлениям. Именно в последние годы царствования Елизаветы (1756—1761 гг.) в центре Москвы, на Сретенке, развернулась настоящая трагедия. Здесь на протяжении семи лет зверствовала пресловутая Салтычиха.

В 1756 г. ей, 25-летней Дарье Николаевне Салтыковой, после смерти мужа ротмистра Глеба Салтыкова перешли все имения и дом в Москве. Дорвавшись до власти, этот «урод рода человеческого» (так впоследствии отмечалось в указе Екатерины II) замучил не один десяток людей. Свидетели показали, что Салтычиха лично убила или приказала убить не менее 100 человек. Юстиц-коллегия, исследовав все показания и сопоставив их, пришла к выводу: признать Салтыкову убийцей «если не всех ста человек, объявленных доносителями, то несомненно 50 человек, о коих собранными справками сведения так положительно клонятся к ее обвинению». Далее Юстиц-коллегия констатировала: «В числе убитых мужчин было два или три, остальные затем все женщины... Некоторые из этих женщин забиты до смерти конюхами или другими людьми Салтыковой, наказывавшими их непомерно жестоко по приказанию госпожи, но большею частью убивала она сама, наказывая поленьями, вальком, скалкой

и пр. ...Наказаниям подвергались женщины преимущественно за неисправное мытье полов и белья»⁵⁶.

Пожалуй, самое примечательное в преступлениях Салтыковой не ее изуверская, явно патологическая жестокость, а тот факт, что убийства совершались помещицей-садисткой открыто не в глухой, богом забытой вотчине, а в Москве, на Кузнецкой улице, и о них знали многие, в том числе чиновники полиции. Попытки дворовых жаловаться на свою госпожу ни к чему не приводили. Салтыкова подкупала (деньгами, продуктами) причастных к делам чиновников, и не только мелких, но и таких крупных, как начальник московской полицмейстерской канцелярии действительный статский советник Молчанов, прокурор Сысского приказа Ф. Хвошинский, присутствующие того же приказа П. Михайловский и Л. Вельяминов-Зернов. Салтычиха, расправляясь с выданными ей на руки доносчиками, имела все основания восклицать: «...вы мне ничего не сделаете! Сколько вам ни доносить, мне они (чиновники.— Е. А.) все ничего не сделают и меня на вас не променяют».

Даже когда в 1762—1768 гг. расследованием доноса дворовых Салтыковой занялись Юстиц-коллегия и Сенат, помещица не призналась ни в одном из совершенных ею злодейств, несмотря на неопровержимые улики в показаниях десятков людей, данных в ходе повального допроса населения поместий Салтыковой и крестьян соседних владений. Пришедшая к власти Екатерина II оказалась в весьма щекотливом положении. С одной стороны, невозможно было оставить без наказания многочисленные преступления помещицы, имя которой стало ругательством в народе, но, с другой стороны, как писал историк XIX в. Г. И. Студенкин, «для новой государыни, опиравшейся главным образом на дворянство, нельзя было оставить без внимания, что виновная есть представительница самого родовитого дворянства, а многочисленные ее родичи стоят на высших ступенях дворянского сословия»⁵⁷.

После долгих колебаний верховная власть решила лишить Салтыкову дворянства, вывести на эшафот, а потом заключить в подземную тюрьму Ивановского монастыря в Москве, где она и провела 11 лет. Затем ее перевели в каменную пристройку у стены собора того же монастыря. Там она прожила еще 22 года, так и не раскаявшись в кровавых преступлениях.

Дело Салтыковой было одновременно и уникальным, и типичным. Конечно, такого количества убийств сразу общество того времени не знало, но обстановка глумления над человеческой личностью, жестокость и безнаказанность царили повсеместно и неизбежно порождали преступления помещиков и — как протест — жалобы, бегство, скрытое и открытое сопротивление крестьянства. Сыщики и полицейские, расследуя побег, не занимались выяснением причин бегства крестьян от их помещиков. Однако из допросов явствует, что крестьянина — человека,

жившего в кругу средневековых представлений о мире, ограниченном деревней, землей, на которой родился он сам и его предки, родней, общиной, где он искал поддержку в борьбе с природой и бедствиями,— толкало на побег — поступок экстраординарный — естественное желание жить «без всяких государственных поборов и помещичьих оброков, свободно»⁵⁸.

Крестьяне не ограничивались жалобами и побегами. Многие из них брались за оружие. По подсчетам П. К. Алефиренко, в 30—50-х годах XVIII в. вооруженные выступления крестьян происходили в 54 уездах страны⁵⁹.

Основная масса участников вооруженных отрядов и их руководителей была однородна — крепостные крестьяне и дворовые, бежавшие от помещиков и мстившие своим господам им подобным. Примечательна в этом смысле история братьев Роговых — дворовых прокурора Пензенского уезда Дубинского, бежавших от своего помещика, но пойманных и сосланных на каторгу. По дороге они вновь бежали и, вернувшись в уезд, послали помещику письмо, чтобы он «ждал их в гости». Однако братьев удалось захватить и снова выслать по этапу. Один из них, Семен, несколько раз пытался бежать из Оренбурга — места каторги, но его ловили и жестоко наказывали. Тем не менее он писал Дубинскому (в пересказе дела): «...хотя... меня десять раз в Оренбург посылать будут... я приду и соберу компанию и помещика... изрежу на части». В 1754 и 1755 гг. вотчину прокурора поджигали трижды, а в 1756 г. Семен сумел бежать из Оренбурга и добраться до родных мест, где он укрылся у своего второго брата — Степана (первый, Никифор, был сослан помещиком в Нерчинск). Дубинский, узнав об этом, писал, что Семен собрал «партию человек до сорока, и дожидались меня, как я буду в оную деревню, чтоб меня разбить и тело мое изрубить на части». Арестованный за укрывательство беглого брата, Степан вместе с сыном бежал из вотчины, пригрозив Дубинскому скорой расправой. Помещик — сам немалый чин в уезде, — столкнувшись с отчаянной ненавистью братьев, со страхом писал в Сенат: «И я тово... опасен, не знаю как быть, не пропасти»⁶⁰.

Можно лишь гадать о том, чем закончилась неравная борьба крестьянской семьи Роговых со своим помещиком и могущественным аппаратом насилия, стоящим на страже его интересов, но одно совершенно очевидно: причины такой устойчивой и непримиримой борьбы Семена и его братьев, поставивших целью жизни расправу с ненавистным помещиком, коренились в системе господствовавших в тогдашней России социальных отношений, в расцвете крепостного права.

Годы царствования Елизаветы отмечены и массовыми вооруженными выступлениями крестьян против своих помещиков. Восстания охватывали целые вотчины практически во всех уездах Центральной России, а их участники отказывались нести повинности и платить помещикам оброк, избивали и убивали

помещиков и управителей, отбирали их «пожитки» и распределяли между собой. В ряде случаев восставшие убирали и делили хлеб с барской запашки, по-видимому считая его принадлежащим себе по праву затраченного на барщине труда. Нередко восстания, в которых участвовали сотни и тысячи людей, будучи подавлены вооруженной рукой, выливались в многолетнее упорное сопротивление крестьян, отказывавшихся платить налоги и подчиняться помещичьей администрации. Источники отмечают случаи волнений среди крестьян, не желавших быть помещичьими и просивших отписать их либо к государственным, либо к дворцовым имениям⁶¹. Противились передаче помещикам и крестьяне, бывшие ранее государственными.

Действия «разбойных команд» и акты неповиновения целых вотчин были известны правительству. Во всех губерниях действовали сыщики, занимавшиеся поимкой «воров» и «разбойников». В 40-е годы XVIII в. к подавлению бунтов власти стали привлекать регулярные воинские части, особенно драгун. Законодательство 40-х и особенно 50-х годов давало карателям самые широкие полномочия в борьбе с восставшими крестьянами, поощряло доносы на тех, кто укрывал их⁶².

За оружие брались не только наиболее угнетенные помещичьи крестьяне, но и крестьяне других категорий — монастырские⁶³ и государственные.

Особо острым для правительства Елизаветы, а потом и Екатерины был вопрос о приписных крестьянах. Система приписки государственных крестьян к предприятиям (в том числе и частновладельческим) получила распространение в петровскую эпоху, когда благодаря этим типично крепостническим мерам удавалось удовлетворять потребности промышленности в рабочей силе. Теоретически труд крестьян на промышленных предприятиях (занятых, как правило, на подсобных работах) рассматривался как отработка положенной на них подушной подати. На практике же приписка крестьян была тяжелой формой феодальной эксплуатации и вызывала уже при Петре сопротивление государственных крестьян. Сохранение этого института в послепетровское время приводило к острым социальным столкновениям. Стихийные волнения крестьян участились после передачи значительного числа казенных предприятий частным владельцам, склонным рассматривать приписных государственных крестьян как разновидность своих крепостных⁶⁴.

Не следует думать, что крестьяне сразу же брались за топор и вилы. Можно только поражаться долготерпению крестьянских масс, использовавших все возможные способы легальной борьбы за свои права. Тут и жалобы местным властям, и посылка челобитчиков в Сенат, и просьбы, и взятки. Желание крестьян освободиться от заводских работ было так велико, что они, отмечал В. И. Семевский, чуть ли не каждый указ правительства толковали в свою пользу, с необыкновенной легкостью верили в под-

ложные манифесты об освобождении от работ. Когда же им зачитывали непосредственно к ним обращенный указ о возобновлении работ на заводах, они не верили, считали, что это подделка, а подлинный указ скрыт заводчиками и воеводами. В совершенно бесспорных случаях они отвечали так, как отвечали крестьяне Масленского острога: «...указ о увещании в демидовские заводские работы все со истолкованием слушали и в силу того указа в слышании довольны, токмо в заводские тягчайшие работы ныне уже и впредь ехать не желаем за велико-тягчайшими несноснотерпимыми работами, в которых тягчайших, смертельных и тиранскомучительных работах многое число крестьян смертельно бито, а иных и до смерти много убито»⁶⁵.

Лишь после того как все возможные легальные формы борьбы были исчерпаны, крестьяне брались за оружие, баррикадировались в своих деревнях, бежали на новые места. Пытаясь сломить сопротивление крестьян, правительство посылало войска, вступавшие с крестьянами в настоящие сражения.

Следует отметить, что в локальных движениях крестьянских масс в 50—60-е годы XVIII в. отчетливо проявлялись те черты крестьянского сознания, которые в 70-е годы стали основой идеологии участников Пугачевского восстания. Речь идет о «наивном монархизме» крестьян, неистребимости их веры в появление справедливого царя, который издаст указ об их освобождении. Как и в 30-е годы, в елизаветинское время народные массы идеализировали Петра. Отзвуком его решительной борьбы с трехглавой гидрой лихоимства, мздоимства и хищений были настроения разочарования правлением его дочери, не принесшей облегчения народу. Не случайно монастырские крестьяне шацкого Новопасского монастыря в своих челобитных, ссылаясь на законы Петра, писали о его правлении: «...суда были всем повсюду равны, без богоненавистного лицемерия... без проклятой корысти». Эту легенду о справедливом царе повторил на другом конце страны дворовый Строгановых А. Цывелов, утверждавший в своей челобитной, что «при прежнем государе все было хорошо, а ныне... не то». Отражением народных чаяний были и широко ходившие в народе слухи о единоборстве с фаворитами Елизаветы за права народа наследника престола Петра Федоровича, а после 1763 г. об его «уходе в народ»⁶⁶.

Стихийные волнения и вооруженные выступления крестьян отдельных вотчин, сел и деревень носили характер неприкрытой классовой борьбы. Хотя они и не вылились в Крестьянскую войну, которая разразилась 15 лет спустя после описываемых событий, было бы неправомерно отрицать, что ее ближайшие предпосылки закладывались уже при Елизавете. Вспыхивая то здесь то там, крестьянские бунты быстро гасли, но уже предвещали гигантский пожар Пугачевского восстания, охватившего в 1773—1775 гг. огромную территорию и потрясшего основы самодержавной монархии.